

АНТЕ ТОМИЧ

Чудо в ущелье
Поскоков

Чудо в ущелье
Поскоков

Зринке Тукич

Well my name's John Lee Pettimore
Same as my daddy and his daddy before
You hardly ever saw Grandaddy down here
He only came to town about twice year
He'd buy a hundred pounds of yeast and some copper line
Everybody knew that he made moonshine
Now the revenue man wanted Grandaddy bad
He headed up the holler with everything he had
It's before my time but I've been told
He never came back from Copperhead Road

Steve Earle

Первая глава

сообщает о десятках рецептов приготовления мамалыги, об ошибках при стирке цветной одежды и о супе из пепельницы; двоих чуть не убивают, а один хочет жениться, и не знаешь, кого жалеть больше всех

Змеиное ущелье высоко в горах. Найти его нелегко, оно спрятано, защищено, как крепость, к нему ведет только одна дорога, петляющая через теснину, которая после очередного поворота неожиданно выводит на небольшое каменистое поле, а оно через каких-нибудь двести метров упирается в высокие, почти вертикальные скалы. Здесь редко видящая солнце земля, с трудом отвоеванная у колючих кустов, ясеней и грабов, разбита на небольшие участки, засеянные клевером, есть тут и пара грядок с луком, и несколько рядов картошки и нута. Оранжевые цветы тыквы греются на маленьком расчищенном клочке земли за невысоким забором из камней.

На границе поля к отвесным скалам прижалось село: десяток брошенных, полуразрушенных и заросших травой и кустами домов и низких конюшен с разбитой черепицей, а среди всего этого запустения — надменный белый трехэтажный дом Йозо Поскока. Он и его сыновья — единственные, кто остался жить здесь, в родном краю своего разбро-

санного по миру племени. Давно уже переселились отсюда остальные Поскоки, осели в далеких городах, нашли работу, выучили детей, забыли и родные места, и свою многовековую бурную историю.

Они были людьми гордыми, непокорными, гайдуками и контрабандистами, которые, замаскировавшись овечьей шкурой, неожиданно выскакивали из стада и короткими кривыми ножами резали подряд и турецких сборщиков налогов, и австрийских землемеров, и югославских жандармов, милиционеров и почтальонов. В церковных летописях неоднократно и подробно описаны случаи, как какой-нибудь из государственных служащих, переоценив собственный авторитет, дерзал отправиться в Змеиное ущелье, а дальше долго-долго его никто не видел и ничего о нем не слышал. Потом, спустя много дней, чиновника, обглоданного зверями, находили в какой-нибудь яме пастухи. Узнать такого человека можно было лишь по расшитой золотом форме, которую бедняга высокомерно носил при жизни.

Но сейчас все это стало далекой историей. Народ разъехался, привык к городским правилам и обычаям и совершенно утратил дикий, бунтарский нрав, из-за которого в давние времена фамилию Поскок произносили только осторожным шепотом, причем всегда с проклятиями. Остался один только Йозо, к ужасу его супруги, прошлой весной упокоившейся Зоры.

Пока еще можно было надеяться, что в этом есть смысл, Зора умоляла Йозо бежать с ней и детьми из этих скал и камней от горной скучищи, от глубокого,

непроницаемого мрака зимних ночей, когда только благодаря доносящемуся издали вою волков знаешь, что ты еще не умер и не лежишь сейчас в ледяном гробу. Она упрашивала его переселиться куда-нибудь, где светло, где слышны звуки человеческих голосов, смех, музыка, может быть даже куда-нибудь к морю, чтобы жить рядом с другими людьми, возле магазинов, кафе, почты, больницы и школы, чтобы иметь в доме телефон и водопровод.

— Нам будет легче, Йозо, — умоляюще шептала жена глубокой ночью в постели, толкая его ногой.

— Иди к черту! — отвечал он и поворачивался к ней задом. — Если уедем вниз, так они сразу заставят зарегистрировать машину.

— Так ведь все регистрируют свои машины. Таковой порядок, несчастный ты человек.

— Э, а я не хочу! Кому какое дело, что у меня есть, а чего нет.

Тут Зора всхлипывала, глубоко вздыхала, и по ее щекам катились слезы. Она так стонала и плакала не меньше десятка лет после свадьбы, а потом слезы кончились. Она вдруг умолкла и больше с мужем никогда не разговаривала. Молча наливала ему в тарелку суп и поправляла воротник его рубашки, они без единого слова ложились в брачную постель, а потом вставали, не сказав друг другу «доброе утро». Даже определенным делом занимались в полной тишине. И так больше тридцати лет. Словно принесся обет Богородице, Зора молчала, пока не настал ее смертный час, когда она, в последний раз нежно посмотрев на своего спутника жизни, еле слышно прошептала:

— Говнюк, — и после этого умерла, оставив Йозо с четырьмя хоть и взрослыми, но враждебно настроенными сыновьями: Крешимиром, Бранимиром, Звонимиром и Домагоем.

Старый Поскок, грубый, всегда хмурый мужчина, ни разу в жизни никому не сказал доброго слова, не приласкал, не поцеловал. Если бы кто-то попытался поцеловать его, Йозо, вероятно, убил бы такого человека на месте. Если уж кто-нибудь и был ему дорог, он этого никогда не показывал. С сыновьями же у него была особая проблема: все они оказались выше его. Крепко сбитый, низкорослый отец еще так-сяк терпел, пока они были маленькими, но стоило кому-то из отпрысков добраться до тринадцати-четырнадцати лет, как он начинал ненавидеть его, да так, что даже избегал смотреть на него. Все четверо, унаследовав телосложение от матери, тянулись вверх, становились крупными, широкоплечими мужчинами, а их папа, из своей лягушачьей перспективы бросавший на них косые взгляды, через некоторое время понял, что нужно будет хорошо подумать всякий раз, когда ему захочется кому-то из них вмазать. По правде говоря, Йозо сыновей даже побаивался. Ведь он до сих пор при перемене погоды костями чувствовал последствия драки с Крешимиром двадцать лет назад.

Крешимир, которому тогда было не больше двенадцати, случайно сломал топориче, и Йозо неосторожно вlepил ему затрещину, после чего тот схватил отца за грудки и надавал оплеух: одну, другую, третью, четвертую, backhand, forehand, backhand, forehand, backhand, forehand... Крешо, веро-

ятно, не остановился бы и по сей день, если бы папа не пнул его, совсем неспортивно, коленом в пах. И он, скрючившись, упал, а Йозо принялся его добивать. Дважды врезал ногой по ребрам, а когда замахнулся в третий раз, парень схватил папу за ногу. Повалил на землю, забрался на него, ухватил за волосы и стал шмякать затылком о землю. Почти потеряв сознание, Йозо, к счастью, кое-как вытащил из-под себя руку, ткнул двумя пальцами Крешимиру в глаза, освободился и убежал.

Всю вторую половину дня они таскались по горе, с дубинами поджидали друг друга в засадах и забрасывали камнями, пока отец, полумертвый, не рухнул под кленом. Крешимир сломал ему нос, ногу и два ребра. В сумерках Йозо едва дополз на четвереньках до дома, а там, на крыльце, стояла Зора и молча злобно улыбалась. Рада, нехристь, скотина, невеста Сатаны.

— Смейся, смейся, — сказал Йозо, сплевывая кровь. — Ты еще второго не видела.

Действительно, нельзя было сказать, что старший сын тогда легко отделался: у него треснула кость руки, был рассечен лоб и выбиты два зуба, но, по общему мнению, Йозо тот бой проиграл. И с той поры его карьера пошла по нисходящей. Несмотря на более поздние столкновения и с Крешимиром, и с остальной молодежью, ему ни разу не удалось вернуть чемпионского пояса.

После того как умерла жена, он был вынужден разговаривать с сыновьями больше, чем ему хотелось. Из дома он выходил не особенно часто и поэтому взял на себя задачу готовить для семьи, не-

ожиданно обнаружив, что ему нравится варить и жарить, экспериментировать с продуктами, выдумывать рецепты. Взять, к примеру, мамалыгу. Удивительно, сколько существует способов ее приготовления. Йозо ставит воду на огонь, ждет, чтоб закипела, потом высыпает в нее кукурузную крупу, а потом, за минуту до того, как смесь загустеет, осторожно помешивая, добавляет в нее то натертый сыр, а то и жаренную с луком свиную грудинку, или паштет из печени, или помидоры пелати, тушеную морковь, молотые грецкие орехи, корицу, мед, абрикосовый джем, фруктовый йогурт... Старик каждый раз начинает просто сиять, когда найдет что-нибудь новое, чтобы подчеркнуть вкус мамалыги, даже если это не особенно нравится его сыновьям, у которых однажды после мамалыги с какао был жуткий понос. Но несмотря на такие проколы, папа не сдавался. Он мог бы есть мамалыгу каждый день.

Да по сути дела, они каждый день ее и ели.

— Всякое бывало, но чем ты сегодня изгадил вот это? — говорил иногда за столом кто-нибудь из сыновей, с отвращением ковыряясь ложкой в клейкой массе невероятного бурого цвета.

— Горчицей.

— Ты, папа, просто больной.

— Если кому-то не нравится, пожалуйста, кухня вон там, — отвечал Йозо, решительно показывая рукой в сторону кухни.

Этой фразой каждый бунт в столовой и заканчивался, потому что никто другой не хотел браться за приготовление еды. Точно так же как никто не упрекал Домагоя, младшего из них, который после

смерти любимой супруги и матери решил взять на себя стирку. Все без раздражения носили несвойственное мужчинам розовое нижнее белье. А стало оно таким, потому что поначалу Домагой не знал, что белые и цветные вещи стирают отдельно.

«У-у-у-у! У-у-у-у! У-у!»

Солнечным весенним утром, когда природа еще спала над камнями, сквозь деревья, на которых только-только появились мелкие нежно-зеленые листья, разнесся тихий гул мотора. До этого все было спокойно и гармонично, никто на этом свете никому не был врагом. Серый ястреб спокойно сидел на верхушке дуба, змеи лениво грелись на солнце среди камней. Не было даже ветра, роса поблескивала на серебряных нитях паутины. И тут не пойми откуда раздались эти звуки, и в Змеином ущелье неожиданно повисла непонятная напряженность.

«У-у-у-у! У-у-у-у! У-у!» — донеслось снова, и Йозо, сидевший на кухне, оторвал взгляд от газеты и стал внимательно прислушиваться, так же как и Крешимир, который в гараже менял проржавевший глушитель. Бранимир и Домагой кололи дрова во дворе и разом застыли с топорами в руках.

«У-у-у-у! У-у-у-у! У-у!» — в третий раз подала голос неведомая птица, и парни всё бросили и побежали в дом, к небольшой кладовке на первом этаже под лестницей.

В это время меньше чем в километре от Змеиного ущелья на ухабах подпрыгивала белая «ладанива» с надписью по бокам «Электродистрибуция».